

МЕНТАЛИТЕТ КАК ОСНОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЗАПАДНОЙ И КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ МЫСЛИ

Цюй И

Аспирант, Забайкальский государственный университет
(г. Чита)
aglena_72@mail.ru

MENTALITY AS THE BASIS OF CHINESE CIVILIZATION IN THE CONTEXT OF WESTERN AND CHINESE SCIENTIFIC THOUGHT

Qu Yi

Summary: The article presents an analysis of Western and Chinese concepts of Chinese mentality and its influence on Chinese civilization. The study discusses theoretical aspects of the problem of Chinese mentality associated with the use of a civilizational approach. It is revealed that the civilizational approach of Western and Chinese authors differs in key provisions related to ideas about geocivilization. The presented analysis of the socio-cultural space of China allows us to form ideas about the approach in state cultural policy aimed at strengthening national identity and social cohesion, where an appeal to the traditions of mentality plays a significant role. In the conditions of the modern world, the Chinese mentality forms its role identity, preserving the «value core» and adapting to new realities, based on maintaining a balance between tradition and modernity. An analysis of the literature on the topic of the foundations of the socio-cultural world, mentality and identity in China shows that studies of China in the West have certain traditions that significantly affect the content and problems of studies devoted to the features of the legitimization of power in this country. It is revealed that Chinese scientific thought is focused on the development of a concept of cultural policy, which includes mechanisms for the formation of modern statehood and civic identity of Chinese citizens in the context of globalization based on the recognition of the unity and diversity of the culture of modern China.

Keywords: mentality, China, Chinese civilization, geocivilization, Western scientific thought.

Аннотация: В статье представлен анализ западных и китайских концепций китайского менталитета и его влияния на китайскую цивилизацию. В исследовании обсуждаются теоретические аспекты проблемы китайской ментальности, связанные с использованием цивилизационного подхода. Выявляется, что цивилизационный подход западных и китайских авторов отличается по ключевым положениям, связанным с представлениями о геочивилизации. Приводимый анализ социокультурного пространства Китая позволяет формировать представления о подходе в государственной культурной политике, направленной на укрепление национальной идентичности и социальной сплоченности, где существенную роль имеет обращение к традициям ментальности. В условиях современного мира китайская ментальность формирует свою ролевую идентичность, сохраняя «ценностное ядро» и адаптируясь к новым реалиям, на основе сохранения баланса между традицией и современностью. Анализ литературы по теме оснований социокультурного мира, менталитета и идентичности в Китае показывает, что исследования Китая на Западе имеют определённые традиции, которые существенно влияют на содержание и проблематику исследований, посвящённых особенностям легитимации власти в этой стране. Раскрыто, что китайская научная мысль ориентируется на разработку концепции культурной политики, которая включает механизмы формирования современной государственности и гражданской идентичности китайских граждан в условиях глобализации на основании признания единства и разнообразия культуры современного Китая.

Ключевые слова: менталитет, Китай, китайская цивилизация, геочивилизация, западная научная мысль.

Исследование влияния ментальности на устои китайской цивилизации представляет собой актуальную тему, обусловленную усиливающейся интеграцией Китая в систему международных отношений. В процессе этого взаимодействия Китай принимает технологические и культурные инновации современного мирового сообщества, одновременно оказывая на него мощное «облучающее» воздействие [31]. Уникальность китайской цивилизации, вносящей неординарный вклад в прогресс всего человечества и сокровищницу мировой культуры, обуславливает значимость цивилизационного аспекта развития современного Китая. Страна выстраивает новую структуру межгосударственных отношений, формируя долгосрочные стратегии, направленные на активизацию развития большого «китайского региона»

[23]. Однако существует скептическое отношение к результатам региональных практик развития локальных цивилизаций, которые зачастую оказываются разочаровывающими, для внешних критиков, с которыми не согласны китайские исследователи [26].

Представители западной философии такие, как Г. Киссинджер [22], Ф. Фукуяма [31] и С. Хантингтон [4], рассматривающие Китай в качестве застывшего образования, основой которого является менталитет, понимаемый как традиционный образ мышления китайцев. Напротив, по мнению, представителей китайской культуры, Китай должен оцениваться как цивилизация, развивающаяся по своим собственным принципам, и при этом с учётом того, что в китайской системе ментальных ко-

ординат условия постоянно меняются, что не позволяет утверждать наличие застывшего мировоззрения. В частности, на это указывал Председатель КНР Си Цзиньпин, по мнению которого китайский народ, следуя путём собственного развития, должен ориентироваться на такие ценности, как преемственность на фундаментальном уровне; инновационность, характеризуемая как предприимчивость; единство, понимаемое как интеграция и сплочённость различных этнических групп китайской нации; инклюзивность, определяемую как гармоничное сосуществование различных религиозных верований, а также открытое мировоззрение по отношению к различным мировым цивилизациям; мирный характер, означающий, что Китай стремится к обмену и взаимному обучению между различными цивилизациями, но не к культурной гегемонии, не будет навязывать другим свои ценности и политическую систему [29].

Таким образом, проблематика исследований особенностей китайской ментальности заключается не в выявлении локальной специфики отношений между личностью, обществом и государством, основанном на принципе «свой-чужой», где Китай и китайская цивилизация рассматриваются как некое ответвление от мирового эволюционного процесса, ориентированного на ценности западной цивилизации. Напротив, целью представляемого исследования является обоснование точки зрения о том, что особенности взаимодействия власти, образа мышления и специфики самосознания граждан Китая формируются в соответствии со спецификой становления и развития культуры в рамках жизненного цикла китайской цивилизации.

Содержание исследования определяет цивилизационный подход, раскрывая который мы проводим сравнительные исследования содержания представлений западных и китайских авторов об особенностях китайского менталитета как основания легитимации китайской власти. В качестве тезиса мы используем положение о том, что фундаментом китайского государства-цивилизации является культура Китая, формируемая культурными стратегиями государства и включающий сложную структуру отношений между уровнями менталитета (ментальности) и самоопределения (идентичности) китайских граждан.

Анализ литературы по теме оснований социокультурного мира, менталитета и идентичности в Китае показывает, что исследования Китая на Западе имеют определённые традиции, которые существенно влияют на содержание и проблематику публикаций, посвящённых особенностям легитимации власти в этой стране. Долгое время Китай и всё китайское воспринимались европейцами как экзотика, преподносившаяся в занимательных повествованиях П. Карпини [21], Г. Рубрука [28], М. Поло [27], М. Риччи [10], Ф. Вольтера [15], Г. В. Лейбница [6] и

Х. Вольфа [16], касающихся тех характеристик Китая, которые казались им утопическим отражением идеала, который они не находили в своей цивилизации. Однако по мере расширения своих познаний о Китае, который воспринимался уже как возможный конкурент западному миру, в Европе стали подчёркивать противоположность китайского всему европейскому, его «отсталость». Формирование «синофобии» происходило на фоне оформления идей прогресса и сопровождалось, как указывает Ч. Маклайн, трансформацией образа китайцев как «рационалистов» на образ «примитивистов» [7].

В частности, в трудах И.Г. Гердера китайский социокультурный мир рассматривается с позиций, констатирующих его отсталость и законсервированность [19]. В более глубоком измерении культуры Гердер негативно стереотипизирует китайцев с точки зрения образования и национального характера.

Г. Гегель писал, что Китай и Индия находятся за пределами всемирной истории. По его мнению, это предпосылки тех моментов, лишь благодаря соединению которых начинается животворный исторический процесс. При этом Г. Гегель одним из первых провёл анализ влияния власти на сознание подданных китайской империи, указывая на то, что моральная воля императора есть закон, который стесняет субъективную, внутреннюю свободу, и закон свободы правит индивидуумами лишь как нечто внешнее по отношению к ним [17].

В исследованиях М. Вебера культура Китая представлена как «тоже культура», а достижения – как «тоже достижения», «дух» которых существенно отличается от протестантского. Причиной, как он полагал, было то, что дух конфуцианства был неспособен создать духовные стимулы для эндогенного капитализма западного типа [13]. Будучи последователем идей М. Вебера, Дж.К. Фэйрбэнк рассматривал всю современную историю Китая как ответ на вызов Запада и оценивал собственно китайское влияние на развитие китайской цивилизации только как подчинённое влиянию Запада. Именно эта точка зрения оказала влияние на западных китаеведов [2].

Особенностям менталитета китайцев посвящена книга А. Смита, который также утверждал, что китайская мысль якобы «продолжает спать» и что в китайской культуре существует первобытная древность [12]. Типичные суждения иностранца, столкнувшегося с представителями совершенно иной цивилизации, можно найти у Д. Макгована [25].

Среди европейских ученых, посвятивших своё творчество изучению оснований китайской культуры, в контексте идеологии европоцентризма видное место занимает М. Гране [20], Чанне Чен [32], Х. Накамура [3], М. Х. Бонд [1], Д. Дж. Мозер [8], С.Д. Селигман [11]. Эти

учёные исследовали качества китайского менталитета, показав, что общими суждениями является убеждения о консерватизме и стереотипах у китайцев, преимуществе наглядности перед логикой, особой практичности, идеализации прошлого. При этом, в целом, в большинстве перечисленных исследований можно увидеть дискриминацию китайской культуры, причина которой коренится в западном колониализме, согласно которому, все народы, цивилизации, религии, великие изобретения появлялись на свет лишь тогда, когда попадали в поле зрения европейца. Однако, во второй половине XX в. китайцев уже не упрекали в недостаточном интеллектуальном развитии, что было объяснимо успехами Китая в развитии культуры и экономики, благодаря чему Китай становится ключевой державой мира, заставляя считаться со своим мнением и выбором своего народа.

Учитывая новейшие процессы экономического развития страны, о Китае писал Ф. Фукуяма. Методология этого учёного раскрывает наиболее актуальные на сегодняшний день представления об отношениях между народом и властью в контексте концепции китайской ментальности. Как подчёркивает Фукуяма, успех современных идеологических программ, нацеленных на обеспечение социальной стабильности в Китае, в значительной степени определён ментальностью китайского населения, которая сформировалась под влиянием тысячелетней истории централизованного управления и конфуцианских ценностей [30]. Идеи Фукуямы указывают на постулируемые им взаимосвязи между политическим управлением, экономической моделью и культурными традициями в Китае, который, как он доказывает, стоит перед выбором между перспективами развития в рамках авторитарного управления и принятия демократических ценностей. Таким образом, в конце XX века, когда процессы глобализации мировой культуры значительно сблизили между собой центры мировой культуры, для Запада китайцы продолжали оставаться «пришельцами», что вызывало опасливое и высокомерное отношение, проявляющееся в концепциях «тоже культуры» и «тоже достижений».

Этот взгляд был во многом обусловлен глубоко укоренившимися стереотипами, которые формировались на протяжении веков, что указывало на сохранение устойчивых представлений о наличии дистанции и инаковости между двумя разными цивилизациями. Невозможность представить иную культуру через призму своих собственных стандартов и ценностей приводила к снисходительному отношению и недооценке истинной уникальности и богатства китайского наследия.

Однако, на наш взгляд, описания по принципу «своей чужой» не могут быть применимы, когда речь идёт о разных типах цивилизации, так как здесь происходит подмена понятий, в результате которой западная цивилизация

и мировая цивилизация представляются как одно и то же, в то время как Китай и китайская цивилизация, как показывает А. Генис, рассматриваются как некое ответвление от эволюционного процесса [18]. В последние десятилетия Китай совершил прорыв в экономике, сравнимый с «прыжком азиатского тигра», в результате чего он стал второй державой по темпам развития на мировой арене, играя огромную роль в мировой экономике и культуре на всех интеллектуальных уровнях.

В частности, одним из таких проявлений стало появление публикаций западных авторов, посвящённых анализу возможности встраивания китайской модели конфуцианского общества в современную западную демократию, проведённого А. Лейпхартом в контексте развиваемой концепции демократии консенсуса, которую он называет консоциальной или общественной демократией в противовес демократии большинства, или мажоритарной демократии. Важно отметить, что учёный, в отличие от предшественников, не противопоставлял Китай западным демократиям, а, наоборот, рассматривал конфуцианство как возможное решение для государств, где традиционная мажоритарная демократия может не работать из-за глубоких этнических, языковых или религиозных различий [24]. Подтверждая эти взгляды Д. Ламптон, также писал, что конфуцианство представлялось, как управленческая структура, дающая возможность обществу не-западного типа попытаться встать в ряд цивилизаций при сохранении таких «недостаточных качеств демократии», как институциональные и этно-социальные особенности власти, связанные с ограничениями, не принимаемыми в западных странах [5].

В это же время ряд китайских авторов, таких как профессор Цзинь Яоцзи, высказывали идеи о возможности обоснования легитимности китайской государственности через обращение к сравнению, указывающему на сходство конфуцианских и демократических принципов. С этим мнением соглашался Чуньфу Чжао, который указывал на то, что такие доктрины конфуцианства, как сильное чувство социальной ответственности, стимулирующая деятельность и добродетельности, актуализация моральных ценностей, воспитание чувства заботы в отношении близких могут способствовать модернизации и демократизации общества [33].

Однако он отмечал, что конфуцианство, также, как и китайская культура, есть более сложный феномен, чем просто аналог некоторым чертам западной демократии, так как в нём имеются антидемократичные стороны. В частности, Чжао Чуньфу писал о том, что идея иерархии и взаимозависимости не согласуется с современным принципом равенства и духом демократии, а в конфуцианской этике права отделены от обязанностей, что противоречит демократическим принципам. Кроме этого, основным содержанием конфуцианства является его

морально-этическое учение, в контексте идей которого совершенно неприемлемыми считаются либерализм и индивидуализм.

Поэтому, как доказывал Чжэньгуан Чжо, речь идёт не о том, что конфуцианство или китайская культура обладают теми или иными свойствами демократии, а о том, что под демократией китайские и западные авторы имеют в виду разные социально-культурные феномены [14]. Конфуцианское предпочтение общности, как отмечает Один из ведущих американских учёных в области китаеведения Л. Пай, отмечая, что китайская теория и политическая практика на протяжении многих лет находились под «прессом западной ментальности», писал: «Китай – это цивилизация, которая должна была долгое время изображать собой национальное государство, чтобы

адаптироваться к европейским нормам из-за своей политической и экономической слабости в конце XIX века» [9].

Таким образом, цивилизационный подход западных и китайских авторов отличается по ключевым положениям, связанным с представлениями о гецивилизации. Китайская ментальность формирует свою ролевую идентичность, сохраняя «ценностное ядро» и адаптируясь к новым реалиям, на основе сохранения баланса между традицией и современностью. Исследования Китая на Западе имеют свои традиции. Мы полагаем, что в современных условиях, рассматривая проблематику китайской цивилизации, включая вопросы легитимации власти, ментальность китайцев нужно анализировать не с точки зрения западных ценностей, а воспринимать как самостоятельную культурную данность, такую как она есть.

ЛИТЕРАТУРА

- Bond M.H. Beyond the Chinese Face: insights from psychology. New York: Oxford University Press Oxford University Press, 1992. 136 p.
- Fairbank J.K., Goldman M. China: A New History. Second Enlarged Edition. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 2006. 581 p.
- Nakamura H. Ways of Thinking of Eastern Peoples: India, China, Tibet, Japan (Revised English Translation). University of Hawaii Press, 1964. 712 p.
- Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. London: Simon & Schuster, 2002. 410 p.
- Lampton D.M., Following the Leader: Ruling China, from Deng Xiaoping to Xi Jinping. Berkley, CA: University of California Press, 2014, 293p.
- Leibniz G.W. Novissima Sinica historiam nostri temporis illustratura. S.l.: S.n., 1699. 206 p.
- McClain Charles J. In Search of Equality: The Chinese Struggle against Discrimination in Nineteenth-Century America // Charles Law and History Review. 1996. №. 1. Pp. 203–206.
- Moser D.J. Abstract Thinking and Thought in Ancient Chinese and Early Greek. University of Michigan, 1996. 243 p.
- Pye L. How China's nationalism was Shanghaied? // Jonathan (ed.). Chinese nationalism. N.Y.: M.E. Sharpe, 1996. Pp. 86–112.
- Ricci M. On Friendship. One Hundred Maxims for a Chinese Prince // Translation and introduction by Timothy Billings. New York: Columbia University Press, 2009. Pp. 169–183.
- Seligman S.D. Dealing with the Chinese. Mercury Books, 1990. 308 p.
- Smith A. H. Chinese Characteristics. New York; Chicago: Fleming H. Revell, 1984. 333 p.
- Weber M. The Religion of China. Confucianism and Taoism. New York: The Macmillan Company, 1964. 308 p.
- Zhou Zhenguan. Liberal Rights and Political Culture. Envisioning Democracy in China. New York; London, 1999. 275 c.
- Вольф Хр. Разумные мысли о Боге, мире и душе человека, а также о всех вещах вообще // Христиан Вольф и философия в России. СПб.: РХГИ, 2001. С. 229–358.
- Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. С. 157.
- Генис А. Билет в Китае. Санкт-Петербург, Амфора, 2001. 330 с.
- Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества / Пер. и прим. А.В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 760 с.
- Гране М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004. 526 с.
- Джиованни дель Плано Карпини. История монгалов / Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. Москва: Географгиз, 1957. 270 с.
- Киссинджер Г. О Китае. М.: АСТ, 2021. 640 с.
- Кучинская Т. Н., Абрамов В. А. Комплексное понимание «китайского региона» как социоприродной системы // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 189–212.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование (пер. с англ. Б.И. Макаренко). М.: Аспект Пресс, 1997. 290 с.
- Макгован Дж. Китайцы у себя дома. Очерки семейной и общественной жизни. М.: Ленанд, 2017. 264 с.
- Песцов С. К. Управление региональным развитием: опыт Китая // Фундаментальные исследования. 2019. № 10. С. 57–63.
- Поло М. Путешествия венецианца Марко Поло в XIII столетии, напечатанные в первый раз вполне на немецком по лучшим изданиям и с объяснениями Августом Бюрком. Москва: А. М. Шемакин, 1862. 528 с.
- Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва: Географгиз, 1957. 270 с.
- Си Цзиньпин призвал строить современную цивилизацию китайской нации. Режим доступа: https://news.rambler.ru/conflicts/50854239/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 12.05.2025).
- Вольтер. Собрание сочинений в трех томах. Т. 2. М.: Сигма – Пресс. 1998. 656 с.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2015. 576 с.

31. Цуй Цзявэнь. Культурно-цивилизационная идентичность России и Китая в современном мире: семантические основания и репрезентация: дисс. кандидат наук: 24.00.01. Москва, 2021. 185 с.
 32. Чанне Чен. Эти поразительные китайцы. М.: АСТ, 2006. 254 с.
 33. Чуньфу Чжао. Конфуцианская этика и модернизация: конфликт и интеграция // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: материалы X Международной научной конференции (22–24 сентября 1999). М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 1999. С. 123–126.
-

© Цюй И (aglana_72@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»